

современников. Анализ творчества. Сост., Жизнеописание, примечания Н.Н. Заболоцкого. М., 1995.

39. Тихвинская Л.И. Кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917. М., 1995.

«СФЕРА РАЗУМА» В.И. ВЕРНАДСКОГО И «СОКРОВЕННАЯ ЗЕМЛЯ» А.П. ПЛАТОНОВА

КА. Барит

Очевидно, наступил момент, когда можно окончательно отбросить снисходительную улыбку при рассмотрении научно-философских концепций А. Платонова, принимая его как писателя-философа, равно-го Ф.М. Достоевскому и Л.Н. Толстому. Это необходимо сделать потому, что непредвзятое изучение научно-технических гипотез А. Платонова опровергает миф об их тотальной утопичности. Многие из них, – например, проект атомной электростанции, на десятки лет опередивший его реализацию, – можно отнести к научным предвидениям писателя. Но главное основание для понимания А. Платонова как философа все-таки иное.

Осмысление места человека в мире в литературе и философии происходило в разных аспектах, среди них можно выделить два основных. В субъективно-антропологических моделях, например, персонализме или экзистенциализме, человеческая жизнь находит свои корни внутри самого человеческого существа. Им противостоят концепции, где человек предстает как существо зависимое от того или иного внешнего по отношению к нему фактора, а его поведение детерминировано вне его находящимися принципами и нормами (экономикой, «гендером», «классовой борьбой», «эпистемой» и пр.) Антропологическая система А.П. Платонова примиряет известную вражду между этими двумя подходами. Платонов попытался решить антиномию «тела» и «духа» в ином, нетрадиционном ключе, на основе принципиального функционального единства всех видов энергии, включенных в «вещество» существования. Роль человека в этой картине, по Платонову, заключается в том, что он есть «существо всякого дела», то есть – наиболее родственное Космосу «вещество», не только способное сознательно участвовать в обмене комическими энергиями, но прямо к этому функционально и онтоло-

гически предназначенное. Речь идет о том, что человеческое сознание есть мыслительный орган мирового «вещества существования», и его продукция – мысль и любовь – являются важнейшими составляющими энергетической системы Вселенной. Таким образом, обращенная на свой предмет мысль, по Платонову, не принадлежит исключительно и только самому человеку, не является чем-то изолированным от Космоса, наоборот: человеческое существо есть прямое и адекватное выражение космической телеологии во вселенском процессе энергетического обмена и противостояния энтропии. Тем самым человек имеет незаменимую онтолого-энергетическую функцию. Поскольку Космос состоит из вещества-энергии, то мысль – это та энергия, которой соответствует определенное количество и качество «вещества». В создании этого вида энергии мысли и приложении ее к «веществу» в акте творчества-любви состоит бытийная задача человека. В этом обращении своего временного тела в вечную космическую энергию заключается проект спасения от смерти и, одновременно, спасения собой мира. Этим заняты все героико-философы писателя, от Второго Ивана и «песчаной учительницы» до солдат, героев «военной прозы» 1940-х гг.

Субстанция «вещества существования», по мысли Л. Шубина возникает из процесса «одухотворения мира», «самое это духовное как бы вновь обретает материальное тело, возникает вещество существования» [1, с. 33]. Такого рода оговорки, свойственные и многим другим исследованиям, можно было бы отменить: для Платонова в этом процессе нет никакого «как бы», человек, согласно мысли писателя, сам есть «самодельное» и находящееся в вечном процессе формального соответствия себе «вещество существования», в его высшем энергетическом градусе развития. Спасение мира, к которому призван человек Вселенной, распадается на два основных дела: сохранение того, что уже есть и укрепление энергетической базы Вселенной. Сбережение остатков жизни в пусть даже в таких его редуцированных видах как сухой лист дерева или комочек сырой земли – дело важное для человека, это одна из важных тем Платонова. Делом первостепенной важности становится вливание в умирающую «природу» новых энергетических ресурсов, выработка и актуализация которых связана с платоновским вариантом «оправдания человека»: он должен заботиться о любом встреченном им «комочке земли» так же, как он заботится о своей руке или ноге. Согласно этой логике, реализацию которой мы видим в произведениях писателя, любое явление «вещества существования» есть явление общего для всех тела

Космоса, а человек занимает в нем примерно такое же положение, какое занимает мозг в человеческом организме. Отсюда следует некоторая корректировка в общем верной мысли Л. Шубина: духовное не «вновь» обретает материальное тело, оно его никогда и не теряло и не может потерять, попросту потому, что ему некуда отсюда, из тела Космоса, деваться. Духовное и телесное в человеке суть одно, так же, как едины в теле Космоса составляющие его энергия и вещество.

По Платонову, действительность – это не просто человек в мире или «человек и мир», но практическое диалогическое отношение мира и человека, взаимно функционально заинтересованных друг в друге. Как особым образом структурированная часть «вещества существования» человек не может быть противопоставлен остальному «веществу», составляет с ним одно целое. Противоестественность такого отчуждения человека от Мира оказывается главной темой творчества Платонова и, одновременно, главной проблемой бытия человека Нового времени. Ведь способ морально-онтологической ориентации человека в мире составляет основу формирования практической деятельности человека. Еще в 1920 г. Платонов сделал вывод, который определил идеологию всех его произведений конца 1920–1930-х годов: человек, в его нынешнем состоянии, несовместим с «полной совершенной жизнью» [2, с. 84], которая понята как состояние морального и бытийного слияния с землей, главным представителем «вещества» на планете. Антропологическая парадигма А. Платонова оказывается самым существенным компонентом созданной им художественной модели, описывающей место человека в мире и возможные пути в осуществлении им своей свободы. Эта особенность космической функции человека в его отношении к растительному, животному и минеральному миру оказываются основой смыслового кода, который может многое объяснить в структуре мироздания, представленной в произведениях А. Платонова. Четыре основных состояния платоновского «вещества мироздания», соответствующие человеку, животному, растению и минералу, оказываются не просто некими ступенями плавного перехода «от живого к мертвому», но ценностно равнозначными системами, различающимися лишь по наполненности тем или иным видом энергии Вселенной. Этот принцип суммарного равенства «вещества» и «энергии», взаимно переходящих друг в друга, оказался важнейшим идейным обретением молодого А. Платонова, послужив основой для формирования его художественного мира.

Само понятие о «живом» и «мертвом» А. Платонов переворачивает кардинально: в его мире нет ничего до конца мертвого, как и нет ничего, абсолютно живого, более того, биологическая жизнь (включая и жизнь человека) – не единственная и отнюдь не главная форма саморазвития «вещества существования», которое осуществляется постоянно и одновременно на самых разных уровнях его структуры. Например, условно «мертвые вещи» оказываются обладающими важным свойством, которое оказывается не всегда доступно человеку: высокой степенью свободы и широтой сопричастности Миру. Возможность такой сопричастности, способности входить в тесную и прочную связь с Мирозданием, признается у А. Платонова важнейшей частью концепта, развиваемого в «Котловане», «Чевенгуре», других произведениях. Человеческая жизнь, понятая как вариант саморазвития вечной и неуничтожимой «материи», качественно иначе располагает человека в Мироздании, оправдывая его и придавая ему космический смысл. Минеральный мир трактуется у Платонова отнюдь не как «мертвый», но как 1) изначальный, первичный, основной, строго организованный космически, 2) более плодоносный, нежели мир животных и растений, ограниченных узкими рамками своего биологического «тления». Земля – это в полном смысле слова праматерия, из которой все происходит и в которую все превращается. Отсюда, вопрос об истине упирается в вопрос о веществе, из которого сделан мир.

Эта мысль вложена в ироническую реплику Сафронова, который отвечает на вопрос Вощева о вечной сущности: «скажите, товарищ, в каком виде вам желательно получить этот продукт – в круглом или жидком?» [3, с. 151]. Круглая форма указывает на самостоятельную от человека объективную сущность (вещество в невесомости, например, астрономическое тело), «жидкое» формы не имеет, принимая любую, которая может вместить требуемый объем (воплощение онтологической свободы). Мысль о несводимости истины к определенной точке многократно встречается у А. Платонова: «истина должна быть вроде влаги или ветра» [4, с. 100]. Истина – это не место или форма, но состояние определенного участка или всего «вещества существования», энергетически преобразованного. Качество слияния с веществом – главная форма отношения платоновского героя к истине. Не случайно один из персонажей «Чевенгура» утверждает, что, когда он находится в воде, он знает правду «до точности» [7, с. 226]. Истина («правда») не результат (или «продукт»), но состояние вещества, поэтому приобрести «правду»

и привести себя в новое состояние (преобразиться) оказывается одним и тем же, оппозиция истинное/ложное у Платонова оказывается параллельна противопоставлению бытие/небытие. Отказ от такого пути равносильна лжи и смерти, принадлежность к нему – спасительна и для человека, и для Вселенной.

В платоновском мире происходит столкновение этих двух противостоящих друг другу семантических полей, обладающих ценностной определенностью и соответствующими пространственно-временными характеристиками, одно из которых воспринимается как область чужая, гибельная, неистинная, исполненная лжи, другое – как сфера желанная, правдивая, светлая и спасительная. Начиная с конца XVIII века, для русской литературы характерно появление целого ряда характерных парадигм, относящихся в различным онтологическим системам, лежащим в основании того или иного литературного направления: верх/низ = небо/земля = истина/ложь = добро/зло. В противоположность русским романтикам начала XIX века и русским символистам конца XIX – начала XX века, для которых небо («верх», «там») было «своим» пространством, а земля («низ», «здесь») – «чужим» и «ложным» пространством, у Платонова, напротив, чужим оказывается небо, а «своим» и истинным – Земля, все ее «вещество», включая растения и животные, минералы и тело человека. Как мы увидим далее, это резко меняет привычную, ожидаемую картину: у Платонова ряд «земля-низ» оказывается совпадающим с рядом «добро-истина». Например, в «Потомках Солнца», строя модель энергетической гармонии, Платонов обращает внимание на вектор творческих усилий человека в его попытке преобразовать мир, этот вектор направлен, как и в «Котловане», не вверх, а вниз: «давно никто не смотрел на небо – все взгляды опустили в землю, все руки были заняты» [6, с. 32]. В этом «самодельном» процессе преобразования «вещества» особенно важен инструмент, описанный как мысль, вонзившаяся в материю и – «лепка новой формы» [6, с. 33]. Невозможность такой творческой связи с «веществом» у А. Платонова осмыслена как состояние «бездомности» и «чистое сиротство». Например, герои «Чевенгура», как и другие герои произведений писателя, отлученные Временем от Вечности, могут называть себя «сиротами земного шара» [7, с. 156]. А. Платонов подвергает художественному исследованию возможность преодоления «сиротства» в формах «обручения» человека с землей. В этой перспективе он рассматривает и идущее, по его мнению, по неверному, тупиковому пути развитие Европы в Новое время, и искажающий смысл жизни человека

научно-технический прогресс, и превращенную в простую переделку государственной машины («извращенную») социальную революцию 1917 года.

Сформулированная в «Епифанских шлязах» «сокровенность пространства» [8, с. 37] изоморфна «сокровенности человека», являя собой средоточие энергии любви, заключенной в «веществе» и «пространстве», управляемых одной «константой», связанной с конечной скоростью «вещества» в пространстве – скоростью света. Вертикальная ось, которая определяет вектор движения «сокровенного» человека и противостоит «плоскости» социально-общественной жизни и «производства» а также природной плоскости степи, тянется от поверхности земли (обычно, маркированной травинкой или другим растением) к звездам или одной конкретной звезде. Такого типа перпендикулярные оси постоянно акцентируются в рамках историко-философских рассуждений героев А. Платонова. В «Чевенгуре», например, «Яков Титыч любил вечерами лежать в траве, видеть звезды и смирять себя размышлением, что есть отдаленные светила, на них происходит нелюдская неиспытанная жизнь, а ему она недостижима и не предназначена...». Однако он утепается тем, что любое живое существо и любая вещь во Вселенной состоят из одного и того же принципиально пластичного и склонного к любым метаформозам вещества: «Яков Титыч поворачивал голову, видел засыпающих соседей и грустил за них: «И вам тоже жить там не дано», а затем привставал, чтобы громко всех поздравить: «Пушкой не дано, зато вещество одинаковое: что я, что звезда... человек не хам, он берет не по жадности, а по необходимости» (курсив мой – К.Б.) [7, с. 305]. В «Сокровенном человеке» Пухов переживает, что его нынешняя жизнь «протухла» [9, с. 74], потому что потеряла этико-онтологический смысл и содержание вне связи с «веществом». «Свежая жизнь» противопоставлена «протухшей жизни», последняя акцентирует себя на распадении с «землей и звездой», и потому протекает на плоскости.

Сокровенность мира выражается в том, что за скупой и бедной внешностью скрываются великие ценности и сокровища, поэтому герои А. Платонова постоянно вглядываются в тело Земли, думая о ней с надеждой. Пюльчатый в повести «Джан» постоянно трогает руками песок пустыни, не без оснований подозревая, что «в нем лежат какие-то вещи» [10, с. 108]. Восприятие мира как сокровенного (таящего в себе неведомые ресурсы и возможности), живого и одушевленного базируется на принципе, который распространяется на все произведения

Платонова, от ранних статей и стихов начала 1920-х гг. и до «военных рассказов» включительно. «Одушевление» предметов окружающего героями А. Платонова формирует логическую зависимость: если вокруг нет ничего окончательно мертвого, следовательно, все вокруг в той или иной степени живое: так герои «Чевенгура», «лишенные семейства и труда, Кирей, Чепурный и все спящие чевенгурцы вынуждены были одушевлять людей и предметы, чтобы как-нибудь размножать и облегчать свою набирающуюся, спертую в теле жизнь. Сегодня они одушевили Якова Титыча, и всем полеччало, все мирно заснуло от скупого сочувствия Якову Титычу, как от усталости» [7, с. 349]. Биологическое возникло на минеральном уровне, но на нем не заканчивается, не прекращается жизнь, до тех пор, пока не прекращается процесс мышления как энергетического вложения человеческого потенциала в Космос. Разумеется, в таком понимании роли и смысла человека Платонов не был одинок.

В статье «Ремонт земли» (1920) А. Платонов описывает модель Вселенной, чрезвычайно близкую к концепции «Ноосферы» В. Вернадского. В рамках «цивилизации» продолжая выстраивать культуру, ориентированную на уничтожение вещества и энергии Мироздания, убивая все живое, растения и животных, человек подрезает сук, на котором сам сидит, ибо отнимает у планеты жизненную силу, которой питается и от которой сам зависит. Аналогом «сферы разума» Вернадского, свободной от этого порока, является специфическая платоновская «Обновленная Земля». Повинуясь присущей ей жизненной тенденции, она сама рождает из себя вещи и предметы, растения и людей, обладает особой чувствительностью, подобно любому другому живому организму. Герои А. Платонова не только замечают эти характерные изменения, но и ожидают их. Или игнорируют, при всей их очевидности, что оборачивается трагедией, всегда для обеих сторон – и для человека, и для Земли. Вещество мира оказывается одухотворено, причем, качество одухотворенности указывает на степень приближения к истине (или удаления от нее). Его особенность состоит в том, что оно является твердым и неуничтожимым носителем жизненной силы. Человек у А. Платонова, одновременно, и часть «вещества» Земли, и ее спаситель. Саша Дванов («Чевенгур») находясь на краю гибели при железнодорожной катастрофе, вспоминает как одно целое и в едином контексте мать, без которой он остался сиротой, и Землю, которая останется сиротой без него: «Близко бежала под ним крепкая прочная земля, которая ждала его жизни, а через миг останется без него сиротою. Земля была недостижима и уходила,

как живая» [7, с. 86]. Эта мысль находит свое подтверждение в другом эпизоде «Чевенгура», где символ «мать-сыра-земля» приобретает иконические черты, метафора приобретает характер развернутого детального описания, буквализируется. В том же произведении Земля, уставшая от бесконечных социальных бурь, которые устраивают на ее поверхности люди, вздыхает как живое существо: «Над рекой Чевенгуркой поднялась теплота вечера, точно утомленный и протяжный вздох трудящейся земли перед наступающею тьмою покоя...» [7, с. 280]. Умиряющая и не спасаемая людьми Земля осмыслена в «Чевенгуре» как «мать»: 1) спящая характерным болезненным «сном-смертью», в котором прерывается и становится неустойчивым энергетический баланс «вещества»; 2) мутирующая в сторону замусоривания, обращения в «прах» и обретающая характерное состояние метафизической и телесной «голости».

В статье «О науке» (1920) А. Платонов говорит «о пути, который предстоит пройти человеку, о мышлении, истинах и заблуждениях, о страданиях человечества в поисках правды своей жизни, о борьбе и гибели за найденную правду, о затаенной страстной мечте, о конечной победе над своими врагами – природой и смертью» – обо всем этом он собирается написать «в другой раз, как обдумает» [2, с. 53]. В основании этой логики лежит предположение о непрерывной и целенаправленной эволюции Мироздания, а также особой роли в этом процессе человека, само существование и назначение которого объясняет цель и смысл эволюции. Из былого заложника «слепой природы» он становится ее активным преобразователем, а деятельность человека становится основополагающей частью его будущей гармонии с Космосом – «пасхального дела» (Н. Федоров), «Новой культуры» (Н. Бердяев), Промысла Божия (С. Булгаков), «ноосферы» (В. Вернадский) или «Нового Октября» (А. Платонов). Вселенная здесь мыслится как единая сущность, цельное время-пространство, неравномерность которого образует окружающий нас предметный мир и историю человечества.

Морально-психологический фундамент, на котором развивается эта идеология, это принципиальный отказ от апокалипсиса, который из неизбежного становится преодолимым, хотя и реально угрожающим человеку. Здесь возникает альтернативная христианской космологии: Творение разделяется на природу «слепую», не управляемую Разумом, и «зрячую», которая подчиняется разуму Сына человеческого, в свою очередь, выполняющего волю Творца. Отсюда ясно, что человеческое сознание – если и не все самосознание Вселенной, то, во всяком слу-

чае, существенная часть этого вселенного самосознания, самооценки и самоделания, в которые обращается в этом случае Творение. Таким образом, делание «живым веществом» себя самого – это основная линия Вселенской истории, где роль человека с его уникальной энергией мысли и любви – значительна. Название колхоза в «Котловане» – «им. Генеральной линии» – отнюдь не саркастическая цитата из сталинского партийного новояза. Здесь речь идет о возможности участия человека в кардинальной линии развития эволюции, когда «самодельный» человек занимает место у руля Творения, разумеется, далекой от советских партийно-идеологических канонов 1930-х гг. Эта «Линия», ведущая к тотальной и полноценной связи человека и Вселенной, очевидно пересекает критическую точку эсхатологического свойства: «на бесконечной линии времени допускается существование некоей обобщенной или критической точки, в которой «пред-история» сменяется историей» [11, с. 36]. Марксисты много говорили об этой точке, утверждая, что здесь будет совершен переход из царства необходимости в царство свободы, однако, прямо по рецепту героя «Бесов» Ф.М. Достоевского, начав с безграничной свободы, пришли к безграничному рабству. Телеология же «Генеральной линии» как космического пути человечества, равно как «ноосфера» и «автотрофное человечество» Вернадского, остановка энтропии «самодельными людьми» А. Платонова, другие теоремы, оплодотворенные идеей Вечности и Спасения, требуют от человека признания своим телом всего наличного вещества Космоса.

Таким образом, идея о «сокровенности» (жизнетворности) вещества Мироздания, способного к самосовершенствованию («самоделанию»), развивалась в творчестве Платонова в диалоге с произведениями В.И. Вернадского. Понимая жизнь как форму существования «живой материи», Вернадский считал, что грядущая переделка человеком Мироздания будет осуществляться не на макро, но на микроуровне, где предметом работы станет «атомная структура Вселенной» [12, с. 18], причем в результате будет создан новый носитель разума, организм, в котором реализуется преобразованное человечество. Усилия новой специфической науки-религии, описанной Вернадским (у А. Платонова – «тонкое производство»), должны сосредоточиться на изучении физических свойств «вещества жизни». Объявив войну научным и бытовым банальностям, В. Вернадский отмечает таинственность и слабую исследованность главного и самого важного земного минерала, воды: «химический состав воды в природных соединениях, да и вообще в на-

ших химических представлениях – не ясен. Много здесь принимается условно и, несомненно, играет роль временных построений» [13, с. 198]. Не случайно, что именно уход в воду становится у А. Платонова важным способом решения проблемы телесного слияния человека и Вселенной (в «Чевенгуре», «Котловане» и др.). С другой стороны, в основе деятельности биосферы лежит принятие и трансформация энергии самим «живым веществом»: «Химическая энергия биосферы – в ее действенной форме – выявляется из лучистой энергии солнца совокупностью живых организмов земли – ее живым веществом» [14, с. 17–18]. Все живые организмы, с одной стороны, едины со всей потенциально живой материей Мироздания, с другой – образуют относительную целостность, которую мы называем биосферой: «Можно говорить о всей жизни, о всем живом веществе, как о едином целом в механизме биосферы, хотя только часть его – зеленая, содержащая хлорофилл, непосредственно использует световой солнечный луч» [14, с. 27]. Каждое из живых существ обладает своими энергетическими возможностями, и возможности растения – непосредственно принимать и перерабатывать солнечную энергию – недоступны человеку и выглядят в глазах героев Платонова как колоссальное их преимущество по сравнению с несовершенством человека, который может принимать эту энергию лишь опосредованно, через другие организмы и вещества. В. Вернадский был уверен в том, что «для решения социального вопроса... необходимо изменить форму питания и источники энергии, используемые человеком» [12, с. 240]. Платонов отвечает на это целой галереей героев, ищущих альтернативные источники питания (напр., «Бог» в «Чевенгуре»). По логике А. Платонова и В. Вернадского «хищное» отношение человечества к реальности суть несовершенное и самонедостаточное (неавтотрофное), оно слабо связано с космическими процессами; поэтому растения и нехищные животные обладают особой ценностью для Мироздания. Таков у А. Платонова верблюд в «Джане», Цветок и Корова из одноименных рассказов, Альберт Лихтенберг – получеловек-полуобезьяна, способный питаться самыми малоподходящими для желудка предметами, таковы и другие энергетические праведники.

Создаваемая космическими лучами поверхность земли, по В. Вернадскому и согласно логике строителей «Котлована» и «Чевенгура», не только нагромождение безучастной и мертвой материи, но «область энергии, источник изменения планеты внешними космическими силами» [14, с. 9]. Другими словами, «живое вещество» – имманентно

творческая субстанция, находящаяся в процессе «самоделания»; наша планета как ствол дерева, нарастает и живет своей корой, биосферой и ноосферой – внешней формой. Человек как активная часть Вселенной, живет в едином ритме со всем остальным целым, на него также распространяется та постоянная «лепка вещества» которая идет под влиянием космических лучей («лик земли ими меняется, ими в значительной мере лепится» [14, с. 10]). Биологическая жизнь описана В. Вернадским как «медленное проникновение внутрь планеты лучистой энергии солнца, достигшей его поверхности» [14, с. 68], собственно, это и есть путь преобразования «вещества существования» из заложника слепых сил природы в «свободное состояние», раскрывающее и его «самоделность» (А. Платонов) и «самозарожденность» (В. Вернадский). Все, что создано человеком на Земле, является ни чем иным, как прямым воздействием солнечных лучей, результатом «тепловых превращений» [14, с. 18], поэтому человек обязан упорядочить эти переходы тепла, использовать его рационально и точно.

Постоянные «обмены теплом», которые совершаются героями А. Платонова, заставляют вспомнить о двух важнейших видах энергии, принимаемых биосферой (третий вид энергии, который обратит ее в ноосферу, это вырабатываемая человеческим сознанием энергия мысли): химическая энергия (обмены веществами) и тепловая энергия (нагрев океана и атмосферы, служащие затем фоном для реализации химических реакций). Из принимаемой Землей космической энергии «главная часть идет на тепловые процессы земной коры и связана с тепловым режимом океана и атмосферы... в создании жизни в биосфере она играет огромную роль» [14, с. 59]. Человеческое существо плотно интегрировано в вещественно-энергетическую картину Мироздания, осознает оно это или не осознает, считает Вернадский, человек живет не на Земле только, но в «космической среде мира» [14, с. 8]. Его роль в этой среде отнюдь не пассивна: мысль, вырабатываемая мозгом человека, есть такое же «излучение», пронизывающее вещество и меняющее его свойства, как и другие, мысль – это вид космического излучения и поэтому мыслящий человек оказывается включен в единую энергетическую картину Космоса не менее интенсивно, чем любой генератор или «резонатор»: «кругом нас, в нас самих, всюду и везде, без перерыва, вечно сменяясь, совпадая и сталкиваясь, идут излучения разной длины волн... все пространство ими заполнено» [14, с. 7].

В. Вернадский, как и А. Платонов, был убежден в том, что во Вселенной есть определенная цель и вектор развития. Если А. Платонов считал

самым важным компонентом Провидения человека с его возможной энергетически-вещественной праведностью, то Вернадский как академический ученый был очень осторожен в таких выводах, хотя и признавал это косвенным образом: «...само живое вещество не является случайным созданием. Оно в себе самом также отражает солнечную энергию, как отражают ее его земные концентрации» [14, с. 146]. Второй важный вывод, который полноценно реализован в «Чевенгуре»: человек – солнечное существо, несущее, умножающее или растрачивающее энергию солнца, «также отражает солнечную энергию, как отражают ее его земные концентрации», составляя важную, самую существенную деталь в «структуре живой природы в биосфере» [14, с. 146]. Если Платонов считал, что новый преобразенный человек должен обладать двумя свойствами – быть активным и чувствительным приемником космической энергии, и, одновременно, уметь ее без потерь направить в нужное место, область «вещества», то, в сущности, ту же мысль мы встречаем в учении о «Биосфере» Вернадского: «Мы видим, что неизменно в течение всего геологического времени – под влиянием неуклонного тока лучистой энергии – в биосфере действовал один и тот же химический аппарат, созданный и поддерживаемый в своей деятельности живым веществом. Это аппарат состоит из определенных концентраций жизни, которые занимают, вечно меняя, одни и те же места в земных оболочках, отвечающих биосфере... Это области, где обтекающая весь земной шар лучистая энергия солнца принимает форму земной свободной химической энергии, причем она отражается в различной мере для разных химических элементов. Существование этих областей планеты связано, с одной стороны, в той энергией, какую она получает от солнца, а с другой, – со свойствами того живого вещества, которое является аккумулятором и трансформатором этой энергии в земную химическую» [14, с. 145] (курсив мой – К.Б.).

Иногда высказывается предположение, что мечту платоновского героя об идеальном «трансформаторе-резонаторе», который спасет мир, можно понимать как надежду соорудить некое техническое устройство, вроде энергетической подстанции. Однако, речь здесь идет о самом человеке, преобразенном в «Будущем Октябре» и являющимся частью «ноосферы». Это новое существо, Новый Адам (у А. Платонова – «Второй Иван» или «Дванов») должен стать идеальным резонатором-трансформатором космической энергии, способным адекватно, без потерь, куда нужно и сколько необходимо генерировать и/или переводить энергию

Космоса, аккумулированную Землей (уголь, нефть, торф и пр.) или прямую солнечную энергию. Называя живые организмы «механизмами превращения энергии», В. Вернадский прямо пролагает путь к вопросу о человеке как осознающим себя «трансформаторе» энергии Космоса. В сущности, именно такова задача всех форм «живого вещества», отличие же человека от других форм жизни должно быть лишь в точности «резонанса» и качестве «трансформации»: «Создавая фотосинтезом – солнечным лучом – многие миллионы различных комбинаций атомов – оно непрерывно, с уму непостижимой быстротой покрывает ее мощной толщей молекулярных систем, чрезвычайно легко дающих новые соединения, богатые свободной энергией в термодинамическом поле биосферы... Эта форма трансформаторов является совершенно особым механизмом по сравнению с телами земли, в которых идет превращение в новые формы энергии коротких и длинных волн солнечной радиации» [14, с. 18]. В произведениях А. Платонова герой осознает себя частью энергетического поля Вселенной, мотивы его поступков определяются мерой и качеством участия в трансформировании (и/или генерировании) мировой энергии.

Путь к сохранению человека (на уровне личности и на уровне рода) и всего наличного «вещества жизни» – в преобразении энергетически слабого в энергетически сильное, «смертного» в «живое», ведь при этом важно не только «продлить», жизнь человека в рамках гуманистической «жажды жизни», но извлечь из живого человека максимум энергии на пользу Мирозданию (а, значит, и ему). Многие герои А. Платонова посвящают себя поискам корня жизни, как, например, Самбикин в «Счастливой Москве», который «хотел добыть долгую силу жизни или, быть может, ее вечность из трупов павших существ» [15, с. 35]. Сегодня вещество, составляющее тело человека, определяется Платоновым как «грустное», потому что обречено на умирание, оно описано как «стесненное в его теле грустное вещество», которое в будущем будет «жившим веществом» (в глубоком энергетическом упадке): «его кости, его жившее вещество тела» [7, с. 551], ведь вопрос о живом и мертвом – это вопрос о количестве жизненной энергии на том или ином участке Мироздания, энтропия нарастает и только поэтому люди умирают, отрицательное энергетическое сальдо человека выражается в его смертности. Вернадский тщательно высчитывал коэффициенты полезного действия разных живых организмов, например, КПД всего «зеленого культурного поля» – около 1 % «солнечной падающей энергии» [14, с. 60], в то время как зеленый

лист дает 0,72 %, а лес средней полосы – 0,33 %. По Вернадскому, самый высокий КПД из всех живых растений, населяющих Землю, у лопуха. Это во многом объясняет, почему это растение – играет столь важную роль в произведениях Платонова, являясь своего рода растительным энергетическим праведником. Гомо Сапиенс в этом ряду выглядит бледно и, совершенно ясно, имеет сугубо отрицательный КПД (то есть, в среднем, он потребляет энергии значительно больше, чем дает). Это служит основанием для мысли о автопокализисе человечества, обеспеченным энергетической черной дырой Гомо Сапиенс, и о необходимости существенного изменения энергетического статуса и роли человека, преобразовании телесно-духовном. Каковы средства влияния человека на «вещество»? Два возможных варианта описаны в «Котловане»: изменение формы (другая форма имеет другой энергетический потенциал) и вливание (зарядка) своей энергией вещества, причем всех видов энергии, вырабатываемых человеком, например, тепла. Герой «Котлована» Козлов переливает личную энергию в «известняк», однако тот же Козлов «любит себя во сне», что недопустимо, так как это – энергетическое варварство, наносящее ущерб работе строителей Котлована по восполнению энергетических ресурсов Вселенной. В результате, Козлов, который делится с землей своим теплом, но отказывается ей в другом, более важном виде энергии «мысли-любви», уходит из Котлована в смерть.

В то же время современными исследованиями доказано, что человек способен менять радиоактивные свойства окружающего «вещества». А. Платонов в «Котловане» показал, что этико-социальные катаклизмы (коллективизация) имеют вещественно-энергетические последствия для «вещества существования»: оно отвечает на изменившийся энергетический фон новыми формами обитающих на Земле живых существ – появлением нового биологического образования, «медведь-кузнеца», морфология которого отвечает изменившимся биосферным условиям. Комментарием к этому могут стать слова В. Вернадского: «В биосфере могут существовать не всякие организмы, а только строго определенные ее структурой» [12, с. 59]. Медведь-кузнец – это прямой ответ самодельного «вещества» на дальнейшее падение энергетики Земли. Создаваемая космическими лучами поверхность земли, по В. Вернадскому и согласно логике строителей «Котлована» и «Чевенгура», есть не нагромождение безучастной и мертвой материи, но «область энергии, источник изменения планеты внешними космическими силами» [14, с. 9]. Биосфера есть продукт солнечной активности, следовательно,

облик человека, создаваемые им формы общественной организации, его наука и техника, «есть создание солнца» [14, с. 10]. Люди трактуются В. Вернадским как «дети Солнца», и здесь он присоединяется к мифам и древним верованиям, которые «гораздо ближе к истине, чем думаю те, которые видят в тварях земли только эфемерные создания слепых и случайных изменений земного вещества» [14, с. 10]. С этим же связано и специфическое решение вопроса о смысле биологической смерти человека, имеющего в рамках концепции А. Платонова совершенно особое значение. В связи с этим В. Вернадский утверждал, что: «после умирания организма соединения, устойчивые в термодинамическом поле живого вещества, попадают в термодинамическое поле биосферы, оказываются в нем неустойчивыми и являются в нем источником свободной энергии» [14, с. 19]. Поверхность любого тела – поле контакта для обмена энергией. С этим связано возникновение эффекта чувствительности тела к внешним воздействиям, смысл которых связан с той же функцией обмена энергетическим потенциалом. В своей «книжке» А. Платонов записывает: «Ток всегда находится на поверхности тел, то есть на гранях, у выхода через которые тело как /бы/ выливает, смещает неприсущий его природе потенциал в пространство» [16, с. 18].

Идя к преодолению онтологического «сиротства», своей «Обновленной Земле», Платонов мечтает о приходе нового Мессии как вещественно-энергетическом воплощении Любви-Творчества-Свободы, («новом Пушкине»), возможная трагическая безысходность которого в условиях апофеоза «лицевой» истории Европы описана в «Мусорном ветре» (Лихтенберг), в «Чевенгуре» (А. Дванов). Писатель тем самым утверждал, что смерть и энергетический апокалипсис не могут быть побеждены гениальными одиночками, но лишь совокупными усилиями всего человечества, ставшего на путь преображения своей/окружающей плоти Мироздания. Путь к преодолению энтропии и к будущей «ноосфере», по мнению В. Вернадского, лежит на пути усовершенствования тех свойств человека, ради которых «вещество жизни» приняло его форму. Экспансию живого в «косную природу» В. Вернадский определяет термином «всюдность жизни». Она обеспечивается размножением и являет собой «растекание» внутренней энергии, которую далее В. Вернадский называет «геохимическая энергия жизни» [14, с. 30], это «растекание жизни» «зависит от... геохимической энергии... находится в полном соответствии со скоростью передачи в биосфере жизни» [14, с. 32–33].

Человек цивилизации Нового Времени отказался, с горечью констатирует А. Платонов, от своей функции быть мыслительным инструментом «вещества существования» в деле Творения и спасения от энтропии. В этом коренится энергетическая бедность Земли, и бедность безмысленного существования человека. «Камень не мыслит, но обладает лишь потенцией мышления», – пишет Гулыга [17, с. 63]. Однако А. Платонов иначе решает вопрос о том, что такое «мысль» и что такое процесс мышления. Мышление как форма познавательной и социально-исторической активности человека выглядит в его глазах узким и недостаточным; мысль становится универсальным знаменателем всех форм энергии, существующих в Космосе. Поэтому у А. Платонова камень, обладая массой, обладает и энергией, знаменатель всех видов энергии – мысль, следовательно – он «мыслит». Это революционное понимание процесса мышления позволило А. Платонову предложить решение одной из самых важных проблем – вопроса об отношении «родства», как сказал бы Н.Ф. Федоров, не только между людьми, но между людьми и находящимся внутри и снаружи них «веществом существования». Это решение находится в выявлении кардинального для исторической судьбы Homo Sapiens параметра – наличия у него сознания и активной положительной воли как производителя наиболее ценного вида энергии, способного обратить присущие «веществу» качества «сокровенности» и «самодельности» в новый тип отношения человека и Вселенной.

Литература

1. Шубин Л.А. Поиски смысла отдельного и общего существования. М., 1987.
2. Платонов А.П. Чутье правды. М., 1990.
3. Платонов А.П. Котлован // Андрей Платонов. Повести и рассказы. (1928–1934). М., 1988.
4. Ранняя редакция романа «Котлован», цитируются по изданию: «К творческой истории повести Андрея Платонова «Котлован». (Фрагменты чернового автографа.) / Публикация Т.М. Вахитовой и Г.В. Филиппова // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1995.
5. Платонов А.П. Котлован // А. Платонов. Повести и рассказы. 1928–1934. М., 1988.

6. Платонов А.П. Потомки Солнца // А. Платонов. Собр. соч.: В 3-х т. М., 1985. Т.3.
7. Платонов А.П. Чевенгур. М., 1988.
8. Платонов А.П. Епифанские шлюзы // А.П. Платонов. Повести. Рассказы. Из писем. Воронеж, 1982.
9. Платонов А.П. Сокровенный человек (1926) // А. Платонов. Счастливая Москва. Повести. Рассказы. Лирика. М., 1999.
10. Платонов А.П. Джан // А. Платонов. Государственный житель. Минск, 1990.
11. Флоровский Г.В. Метафизические предпосылки утопизма. // Путь. Париж, 1926. № 4.
12. Вернадский В.И. Проблемы биогеохимии // Труды биогеохимической лаборатории. М., 1980. Т. 16.
13. Вернадский В.И. История минералов земной коры. Париж, 1925. Вып. 1.
14. Вернадский В.И. Биосфера. 1–2. Л., 1926.
15. Платонов А.П. Счастливая Москва. Повести. Рассказы. Лирика. М., 1999.
16. Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. М., 2000.
17. Гулыга А.В. Космическая ответственность человека // Русский космизм и современность. М., 1990.

КУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ ИГРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ Г.В. ИВАНОВА

Ю.В. Несымова

Связь человеческой жизни с игрой отмечали еще древние философы и мыслители. Гераклит называл людские мнения игрой детей. Платон считал человека игрушкой бога и призывал людей жить играючи Йохан Хейзинга в своем исследовании, посвященном роли игры в жизни человека, дает следующее определение самого понятия «игра»: «...игра есть добровольное действие либо занятие, совершаемое внутри установленных границ места и времени по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам с целью, заключенной в нем самом» [1, с. 41]. Исследователь выделяет игру как особую реальность, обладающую своим пространством, со своими правилами, законами